

ЮРИЙ БЫКОВ

РОССИИ

О мать! Я знаю, ты меня переживёшь,
Взойдёшь великою во славе!
Я знаю, ты со мною не уйдёшь
В поля, в леса и в разнотравье.
Я знаю, мать, меня ты не спасёшь —
Европа вся у твоего порога,
Но ты меня с собой не унесёшь
В прозрачные чертоги Бога...
Одно лишь знаю: ты себя спасёшь!
О том поведал мне сам Серафим Саровский.
Я говорю, как сын рязанских рощ,
Я Сергиев-Посадский,
Не Загорский.

ДОМ В СИМОНОВЕ

Мой дом — не просто дом!
А сумасшедших дом!
Ко мне идут
Собака, кот, летают птицы!
Придут — ласкаются,
Еды попросят, ласки и водицы
И я милею к ним —
К собаке и коту, и птицам!

Мой дом — ну, просто удивительнейший дом!
Идут сюда, кому не лень, —
Конечно же, не тигр и не кабан, и не олень!
Но стаи птиц летят почти что каждый день.
И люди дом не забывают:
Ко мне стремятся. Дом не остывает.

ОСЕННЕЕ УТРО

Хрусталь висит на низенькой траве...
Как много ныне в поле хрустала!
Сквозь тишину встаёт, как в полусне,
Моя земля.

В рассветной мгле колышется туман.
Созвездия тускнеют в небесах...
Ты мне милее всех чудесных стран,
Моя земля в осоке и овсах.

Хрусталь висит на низенькой траве...
Как много уродилось хрусталя!
Какое чудо жить в моей стране,
Где рада солнцу, как дитя, земля.

п. Хотьково Московской обл.

СВЕТЛАНА ПЕТРОВА-АМБРАСОВСКАЯ

* * *

А знаешь, мне ведь много и не надо.
Лишь только знать, что в чёрной вышине
одна звезда горит с другою рядом
и свет от них торопится ко мне.
Через года, через судеб туманность
наш свет стремится к точке бытия,
неся любви космическую данность.
И знать бы, что те звёзды — ты и я.

* * *

Забегу в магазин и куплю себе чёрного хлеба.
Принесу его в дом, разломлю и, как в детстве, вдохну
Этот запах полей с острой ноткой июльского неба...
И хотя б на минуту от вечных забот отдохну.

И пускай за окном беспросветная темень и слякоть,
Пусть ещё один день капнул в Лету слезой ноября.
Буду сонно жевать кислотоватую хлебную мякоть...
Да пребудут со мной васильки и в полнеба зря!

* * *

Станицы журавлей медноголосых
В безоблачном разливе голубом,
А на попасе в изумрудных росах —
Присевших лебедей неугомон.

На займище у Дона стон весенний,
Любовный клёкот и призывный крик,
И запах чернозёма, млечно-древний,
Уже в травинку каждую проник.

Проснулась степь, упрямым жеребёнком
Тягает вымя матери-земли,
Сияющим оранжевым осколком
Упало солнце юное вдали.

г. Великий Новгород

ОЛЕГ МОШНИКОВ

ЛЕТНЯЯ ДЕРЕВНЯ

Оживает деревня с холода,
Осаждая плетень подушками...
Пыльно, хлопотно — но, из города
Убегая, всё лето б слушали
Счёт кукушкин промеж берёзками,
Рассужденья калитки дедовой
Да рассказы крыльца отцовского...

ОФИЦЕР ЗАПАСА

Виктору Верстакову

Отставникам открытки носит
Оплечь летящая листва:
“Спасибо за...” В запасе — осень,
Другие мысли и слова.

Другие образы хранишь ты
И снова пишешь о войне,
О нестареющих мальчишках
В Афганистане и Чечне.

Хлебнув “за тех, кто” спирт суровый,
Хватило воздуха душе, —
Встаёт — в строфе — под пули слово
На неотступном рубеже.

г. Петрозаводск

НАТАЛЬЯ ШАХНАЗАРОВА

* * *

Завалинка завалена добром:
Бревно да доски, шифер да лопаты.
В моей деревне детства полон дом
Всем тем, чем русские селения богаты.
Здесь всё с земли, что дал нам огород.
Всё, что у предков сеялось годами.
Вот так душа России и живёт —
Под хворостом, снегами и крестами.

* * *

Долго, долго идут на Земле дожди,
И никто уж не помнит, когда начались.
Там рождаются дети, ты их не буди,
Пусть им снится прозрачная синяя высь.
Долго, долго — от жизни до вечности — дождь,
Бесконечная песнь и плач о Земле,

На которой ты к Богу навстречу бредёшь
По проторенной кем-то уже колее.

г. Москва

НИКОЛАЙ СИТНИКОВ

СВЕТ ПАСХАЛЬНЫЙ

И пусть сегодня хлеб насущный горек,
Но солнце освещает наш пригорок.
И осенённый ясенем балкон —
Весь в белых розах, листьях виноградных.
Свет целомудрия нисходит к нам с икон.
И зреет нежность в душах благодарных.
В порывах благородства, чистоты —
Как брат с сестрой сияем я и ты.

* * *

В тридцать третьем году моя тётя от голода пухла
И на убранном поле пыталась поднять колосок.
И колола стерня её пальцы сквозь рваные туфли.
И, пульсируя, кровь ударяла от страха в висок.

В этот миг и возник перед ней на коне страж колхозный.
Трёхметровым кнутом захлестнув, повалил на стерню,
Рубцевал её плечи и спину он с окриком грозным:
— Что, попалась, воровка? Терпи! Изведём на корню!

Смутный тот эпизод мне во сне вдруг представился резче.
Будто Родина — в шрамах кровавых, со скорбью в лице...
И над ней с иностранным кнутом тот нерусский объездчик
На заморском, кауrom, валютном привстал жеребце.

г. Калининград

ИРИНА КОСТЕНКО

* * *

Всем сердцем вслушиваясь в сумрак за окном,
Родной страны дыхание ловить...
Ты, сколько хочешь, думай о своём,
Её ничем не заслонить.

Грусти в тиши, шуми, зови гостей,
Страницы драгоценные листай.
Ты всё равно душою связан с ней,
Она зовёт и требует: — Внимай!..

Внимай пространству, птичьим голосам,
Весенним ливням, ветра ворожке,
Разливам рек, синеем лесам,
Событиям, истории, судьбе...

Подарило бабье лето
Луч прощального тепла,
В золотом потоке света
Паутинка ожила.

День-другой такого счастья —
Снова дождик зачистит.
Летом, канувшим в ненастье,
Паутинка улетит.

Знаю, грусть на сердце ляжет,
В мире станет больше тьмы.
— Паутинок тонких пряжа,
Грей мне сердце до зимы!..

г. Москва

МАКСИМ ОРЛОВ

РОМАНС

*К романсу Г. Свиридова
из фильма "Метель"*

Поверь, мой друг, любовь придёт —
она обрушится метелью грозной...
И вспыхнет даже в день морозный...
Ты только от любви не отрекайся,
в дни ожидания не сокрушайся,
любовь придёт к тебе, любовь придёт...

Бубенчик плачет под дугой —
предвестник встреч, потерь и расставаний...
Россия соткана из расстояний...
Пусть метель ревет, как гимн венчальный,
пусть звенит бубенчик под дугой.

Господь не всем благоволит,
но крест даётся каждому по силам...
Покуда кровь бежит по нашим жилам,
несём свой крест, нам данный небесами,
и выбираем путь заветный сами...
Судьба идущему благоволит.

ОЗНОБ

Устав от гнёта городских хвороб,
я обхожу посёлок Постоянный...
И лик его, знакомый, деревянный,
ввергает в неожиданный озноб.

Топчу трещиноватый тротуар,
о гачи бьются стебли иван-чая.
Знакомые приметы привечаю
и открываю старый портсигар.

С крыльца взирает местный рыжий кот —
он служит понятым у лукоморья.
Преодолев посёлочное взгорье,
ищу полузабытый поворот.

Ещё чуть-чуть — и вот он, отчий дом...
Заменена на новую ограда...
А облик незабвенного фасада
такой же, как и в семьдесят шестом.

Транжира времени и юности мот
не разорвал с двадцатым веком звенья:
реальным показалось наважденье —
на ужин меня матушка зовёт.

Хозяев нет. В дверях другой замок.
Из-под стрехи вспорхнула ввысь синица.
Былого перевёрнута страница,
заученная мною назубок.

г. Братск

НИКОЛАЙ АНТОНОВ

* * *

На задах деревеньки убогой,
где ночами грустит соловей,
по лощине течёт неглубокой
обмелевший за лето ручей.

Престарелые ивы поодаль
доживают безропотно век.
Скоро примет древесный некрополь
этих дряхлых, незрячих калек.

Им мерещатся прошлого звуки —
будто плещется речка у ног.
А прозреют — ослепнут от муки,
вместо влаги увидев песок.

Он последний, родник одинокий.
Скоро, видно, умолкнет и он.
И умрут эти вётлы, как боги,
от безмолвия новых времён.

* * *

Октябрь. Кругом темным-темно.
Чернеет неба полотно.
Луна лишь сквозь густую мглу
луч устремила на ветлу.

В ночной всё замерло тиши.
Друг к другу жмутся камыши.

О глиняные берега
не бьётся тихая река.

В бездонный омут скрылся сом
и в чуткий погрузился сон.
В кустах хоронится кулик
и глаз косит на лунный блик.

И только непонятный звук —
и звон не звон и стук не стук —
порой тревожит тишину,
как будто тронули струну.

г. Москва

НАДЕЖДА КУДРЯВЦЕВА-КУЗНЕЦОВА

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Заброшу, стихи, вас на дальнюю полку,
Бельё соберу и возьмусь за иголку.
(Придёт ваше время, пока не спешите,
Лежите до времени, тихо лежите.)
А мне навести надо в доме порядок:
Помыть и почистить, пока нету грядок,
И штопкой заняться — поставить заплаты.
(Жаль, дома работа не стоит зарплаты!)
Заштопаю дыры бывалых промашек,
Себе, как случалось, не дам я поблажек.
Проветрю, почищу, протру и помою...
Что случилось (сама я не знаю!) со мною?
Я чувствую: Новую жизнь начинаю.
В чём Новая? Жаль, но куда не знаю.
Но чувствую сердцем и чую душою,
Что жизнь моя станет из малой — Большою!

* * *

В Гефсиманском саду,
Как тати в ночи, все деревья молчали,
Когда на коленях Сын Бога стоял.
Молился Отцу он в тоске и печали:
“Мой Отче, минует пусть чаша сия.
Но Воля Твоя”. Поцелуй же Иуды,
Как ветром, потряс все верхушки дерев.
То шёпот оливы, вещавшей о Чуде...
И смолкли они, к Небу ветви воздев.
Но вот в двадцать первом столетье воочью...
В саду Гефсиманском — Божественный Свет
От слов Сына Бога, что слышала ночью
Олива, которой две тысячи лет!

г. Кемерово

ЯРОСЛАВ КАУРОВ

* * *

Можете вы удивиться,
Можете вы убедиться,
Как в нашей Волжской столице
В мае безумствуют птицы,

Как заливаются нежно,
Как заливаются славно,
Как над Окой безмятежной
Пенье разносится плавно...

По мостовой из алмазов
Солнце нисходит напиток.
Слышатся нотные фразы,
Кружится птиц вереница.

Нижний мой Новгород вешний!
В это нельзя не влюбиться:
В радости юной, безгрешной
В мае безумствуют птицы...

г. Нижний Новгород

ДМИТРИЙ ДАРИН

РОДИНА

Распахну окошко настезь —
Луг в туманной пелене...
Я не свой, не здешний разве ж?
Отчего не спится мне?

Почему душе неймётся,
Что-то странное со мной...
И от яблонь тень крадётся
В тёмный угол избяной.

Соткан мир из жёлтой пряжи,
Здесь давно медовый свет
Целовал, как не расскажешь,
Ту, которой рядом нет.

Отчего же, с ней не встретишь,
Льёт холодные лучи
По пустым дорогам месяц
В одиночестве ночи?

Обожду ещё недолго,
Выйду в сказочную даль,
Ждёт навывтяжку за стогом
В белом кителе миндаля.

Слёзы каплют с колокольни,
Как со свечек пряный воск,

Оттого я болен, что ли,
Что живу не там, где рос?

Что живу не с той, с которой
Мял гречишную постель,
Что уеду в город скоро
Под миндальную метель?

Вьётся нить с небесной прялки
В неразгаданную Русь,
И под птичью перепалку
Я на родине проснусь.

г. Москва

КАРИНА КИСЛИЦИНА

И ВСЁ ПРОЙДЁТ. И БУДЕТ ПРОХОДИТЬ...

И всё пройдёт. И будет проходить.
Циклично — всё. Дожди... года... и войны...
И не устанет мир в себе носить
Простых вещей тяжёлые обоймы.

Но — главное: среди звёздной кутерьмы,
Пока любовь живёт в её пунктирах,
Ведь непременно сквозь века и мы
Вновь повторимся, верю, в этом мире...

г. Омск

АНАТОЛИЙ БАЙБАРОВ

ЛИХИЕ ВЕСТНИКИ СУДЬБЫ

*Беда одна не приходит,
с ней приходят разорение,
нищета и война.*

Автор

Мои рассветы пахнут мятой,
Полынью пахнут и дождём,
В дорогу коркой хлеба взятой,
И так, как пахнет чернозём,

И так, как пахнет на овине,
Когда подсушены хлеба...
Телёнком пахнет и поныне
Та деревенская изба...

Скрипят оборванные двери,
Глазницы окон смотрят вдаль.
Мои рассветы и потери —
Вот моя память и печаль.

А та, что новая, так запах
В той новой чисто городской,
В хоромах ныне и палатах,
Живёт народ совсем другой.

Растут “грибы”, как паразиты,
За крепкой каменной стеной...
Не вековые гнёзда свиты,
Где был наш дом и мой, и твой,

Где начиналось наше детство...
Родной деревни сладкий дым,
То наше, Русское наследство,
Вовек останется святым.

Но мы уходим. Скрипнут двери
Пустой, заброшенной избы,
И воют ветры, словно звери,
Лихие вестники судьбы.

г. Миасс Челябинской обл.

СЕРГЕЙ БУДАРИН

* * *

С бледной ладони небес
Снял ты кольцо золотое.
Светом рассеял окрест
Вещее Слово святое.

В млечной магической мгле,
В бездне космической чёрной
Встал я, чтоб жить на земле,
Светом любви обручённый.

*г. Новокуйбышевск
Самарской обл.*

НАТАЛИЯ УНГЕРОВА-ДЖУРОВИЧ

* * *

Неосторожны мысли, алы астры.
Степной траве пришла пора желтеть.
Но в том и есть её земное счастье...
Звенит на ветках листовая медь!

...Печаль, как хлеб, разломится на части...
Вкушай тот хлеб и колыбель качай:
Она и есть — земное наше счастье —
Святая материнская печаль!..

ВОСПОМИНАНИЕ

...Здесь росла гречиха у калитки,
Муравей сползал по рукаву...
Кажется, как детские улыбки,
Яблоки попадали в траву...
Мы колени до крови сбивали
По крутым ухабинам земли,
Только ту гречиху растеряли —
Вместе с детством не уберегли!..
И уходят в прошлое поверья,
Как когда-то в вечность — сыновья:
Здесь осталось несколько деревьев
Да четыре взрослых муравья.
Во дворе, увитом повиликой,
Позабыт тамбовский чернозём.
Нету больше бабушки, лишь блики! —
Блики хрупкой памяти на всём...

* * *

Триумфально ступает весна
Белопенной черёмухой русской...
И такая стоит Тишина,
Что спугнуть это счастье боюсь я.

Знаю, смотришь и ты на весну,
Только праведней, звонче и шире!
В звёздном небе, любовью блеснув,
Твоё имя затеплится в Мире.

Станут пламенем вешних ночей
Ветви снежной черёмухи хрусткой!
Может, кровь оттого горячей,
Что сливается сербская с русской?!

Как люблю я разлёты бровей...
Ночь. Весна. И влюбляться не поздно.
...В сербском небе всего красивей
Загораются русские звёзды.

г. Бар (Черногория)

АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

ЗАМОРОЗКИ

Покрыта крапива инеем,
Как будто великим именем
Покрыты грехи...
И корочка льда колышется,
Как ветхая кроха-крышица,
Над миром реки.

А на бесконечной просеке
Застыли причуды осени,

И сердцем замрёшь,
Когда лист краями колкими
Воткнётся в ладонь иголками,
Как пойманный ёж.

* * *

Чёрное небо. Не видно
Звёздочек, только одна
Шхуною пьяного Флинта
Бродит по небу луна.

Я же, давно протрезвевший,
Молча смотрю на луну,
Не поклоняясь ни ветру,
Ни золотому руну.

Лишь иногда, отчуждённый,
Взгляд свой бросаю в толпу,
Тихо в поэзии тёмной
Я пролагаю тропу.

* * *

Ночь в мезонине один коротаю,
Ниткой суровую робу латаю,
А за окном, словно дыня крупна,
Спелая соком исходит луна.

С детства меня все пугали луной
И говорили, что свет, мол, дурной,
Шторы задёргивай, спи, а то вдруг
Ты попадешься плутовке на крюк.

Только сегодня я, ночь коротая,
Через окошко с луною болтаю
И не боюсь, потому что меня
Держит суровая нитка моя.

г. Киров

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

* * *

Здесь солнце палит нестерпимо,
И пахнет сухим ивняком,
Полыню, кувшинками, дымом,
Походным речным костерком.

О, прелести жизни свободной!
От внутренних сил трепеща,
Сверкнёт на поверхности водной
Тяжёлое тело леща.

И мелкие тёплые брызги
Касаются впалой щеки,
Доносятся детские визги
С излучины Кудьмы-реки.

И облака белая вата
В небесной ползёт глубине.
Всё это я видел когда-то,
В каком-то младенческом сне.

* * *

В селе Григорове, отважны и лихи,
Горланят гордые цветные петухи,

И звуки комкая, вразбивку, на скаку,
Трезвонят громкое своё “кукареку”.

А рядом курицы и выводки цыплят
По мокрой улице привычно семят.

Где память русская и тёмная вода,
Тропинка узкая петляет у пруда

И поднимается, летит на высоту,
Где обнимается черёмуха в цвету

С двумя берёзами, где ветер бунтовской,
Где старец бронзовый с поднятою рукой.

Тропинка узкая, зелёный косогор.
О, память русская! Какой в тебе простор!

О, тьма поморская, сквозная кутерьма,
Мгла пустозёрская, хрустальная зима!

Что лёд нетающий и пухлый снегопад!
Огонь пылающий страшнее во сто крат.

Пространство ширится, колеблется, парит,
Смола пузырится, сосновый сруб горит.

* * *

Сам не знаешь — зачем, почему,
Кровный сын лопуха и крапивы,
Погружаясь в заветную тьму,
Напеваешь родные мотивы.

Под шуршанье слепого дождя
Подберёшься в дрожащий ольховник,
Ежевика обнимет тебя,
Поцелует колючий шиповник.

Это было всегда тяжело:
Под ветшанье родимого крова
Меркантильному веку назло
Все созвучия брать под крыло,

Подбирать по звучанию слово.
Посвист флейты, скрипенье альта.
Стариковские стоны фагота.
Как несносна подчас немота!
Но несносней фальшивая нота.

Но несносней бездарная речь
На волнах — и коротких, и длинных,
Эта речь, как стальная картечь,
И виновных разит, и невинных.

А настойчивых гласных парад,
Что во тьме, словно искры, горят —
Это жизни народной основа.
Отстоим ли родной Сталинград
Полнозвучного русского слова?

г. Нижний Новгород

ГРИГОРИЙ ГЛУШНЁВ

* * *

Как наводнение, вот она — весна!
Совсем не та, что в детстве на картинках.
Один по лужам шлёпает спьяна
Сантехник в прорезиненных ботинках.
Ему, как в детстве, в шутку закричу:
“Имейте совесть, воду отключите”.
Но он ответит: “Нет, не отключу, —
Пришла весна! Хотели? Получите!”

* * *

Маме

Глухо ветер за окнами плачет,
То сильнее, то вроде бы стих.
До весны задремавшие дачи
Ожидают хозяев своих.
В доме тихо под острой звездой, но
Тишину потревожил звонок:
— Что-то сердце моё беспокойно,
Расскажи, как живёте, сынок.
— Всё в порядке, не бедствуем вроде.
И не следует знать ей о том,
Что дрова, как зима, на исходе,
И в углах промерзает наш дом.
Не видать уж неделю соседей,
И родник под обрывом замёрз...
И о том, как печалится ветер
В темноте среди голых берёз.

г. Омск

ЕВГЕНИЙ ЖУЙКОВ

* * *

Сумрачно на родине моей —
день и ночь погода октябрит.
И сквозняк всё ветреней и злей
над угором, что всегда небрит.

Но я знаю, что за серой мглой
притаился свет со всех полей.
Вот и шмель, уже едва живой,
отогрелся на руке моей...

* * *

То ль березняк,
то ли березник —
хоть так,
хоть эдак назови,
я не скажу,
что только в песне
умрёшь с тоски и от любви.
Любви к высоким,
белоствольным,
куда пришёл,
где вновь стою.
Но не бывал таким я вольным,
как тут,
в берёзовом краю.
В родном краю,
где через поле
в росе темнеет редкий след,
где свет небесных колоколен —
тот,
 что из наших детских лет.
Тут вечно бьётся эта жила
по дну оврага с ивняком.
Не тут ли родина вспоила
нас родниковым молоком?..

г. Кирово-Чепецк

ИГОРЬ МАЛЫШЕВ

СТРАНА

Резные ставенки, крылечки,
Густые заросли травы,
И всюду печки, печки, печки —
В ста километрах от Москвы.

У изб — размашистые ели,
Беседки, лавки... Но, увы,
Пустуют детские качели
В ста километрах от Москвы.

А что сказать, когда за тыщу,
А как стерпеть, когда за две —
В остывших трубах ветер свищет,
Накувыркавшись по траве?

В горах теряются закаты,
В озёрах — отблески зари.
И в рыхлый мох вырастают хаты
В трёх километрах от Твери.

НА РЫБАЛКЕ

Туман над тихой водой,
А в камышах — как будто всплески.
Сопит сынишка за спиной,
Впотьмах распутывая лески.

Над ним ещё воркует сон,
И он позёвывает сладко...
— А есть такая рыба-слон?
А рыба-клоун? А зубатка?

Молчим минуту, может, две...
Вода под нами розовеет.
Коряги ивовой правей
Мой поплавок дрожит, как веер.

— А червяку не больно, пап,
Когда его крючком — по пузу?
— А что всех больше любит карп?
Перловку или кукурузу?

— А что..? А если..? А когда..?
Болтает — пусть себе, не жалко.
И чёрт с ней, с рыбой. Ерунда!
Ведь это сынова рыбалка!